

Полицей
Рей

Ты
ПРЕДАЛ НАШУ
любовь

Полина Рей

Ты предал нашу любовь

«Автор»

2024

Рей П.

Ты предал нашу любовь / П. Рей — «Автор», 2024

- Сегодня Глеб взял машину и они куда-то ездили с твоим мужем, - сказала мне лучшая подруга. Судя по её тону, разговор ничего хорошего не предвещает. - Мне нужно было на регистраторе кое-что глянуть, я наткнулась на разговор, - меж тем продолжает она, подключая флешку к ноутбуку. - Я бы молчала, но тебе точно нужно это знать, Варь... Хочется сказать «нет!» и, закрыв уши руками, сбежать. Но я понимаю, что предчувствие меня не обманывало. На экране вечер, по окну мельтешат дворники. И почти сразу раздаётся голос моего мужа: - Да не могу я с ней больше... не могу. Не люблю, не тянет... как с соседкой какой-то! К тому же, от Динки у меня ребёнок, а с женой - даже котёнка не нажили. Так что Варе придётся смириться с тем, что я от неё уйду. В счастливом браке длиною в семь лет у меня всё было хорошо. Кроме дурацкого предчувствия, что он рано или поздно рухнет. Так и случилось - сегодня муж пришёл и сказал, что он уходит к своей второй семье.

© Рей П., 2024

© Автор, 2024

Полина Рей

Ты предал нашу любовь

– Сегодня Глеб взял машину и они куда-то ездили с твоим мужем, – сказала мне лучшая подруга.

Судя по её тону, разговор ничего хорошего не предвещает.

– Мне нужно было на регистраторе кое-что глянуть, я наткнулась на разговор, – меж тем продолжает она, подключая флешку к ноутбуку.

– Я бы молчала, но тебе точно нужно это знать, Варь...

Хочется сказать «нет!» и, закрыв уши руками, сбежать. Но я понимаю, что предчувствие меня не обманывало. На экране вечер, по окну мельтешат дворники. И почти сразу раздаётся голос моего мужа:

– Да не могу я с ней больше... не могу. Не люблю, не тянет... как с соседкой какой-то! К тому же, от Динки у меня ребёнок, а с женой – даже котёнка не нажили. Так что Варе придётся смириться с тем, что я от неё ухожу.

В счастливом браке длиною в семь лет у меня всё было хорошо. Кроме дурацкого предчувствия, что он рано или поздно рухнет. Так и случилось – сегодня муж пришёл и сказал, что он уходит к своей второй семье.

– Чёрт! – выругалась я, порезав палец.

Поднимала последний осколок стакана, который разбила, когда ставила его в кухонный шкафчик – и вот.

Обычно старалась не произносить имя рогатого всуе – глупо, но в этот момент казалось, что рядом материализуется что-то плохое. Но сегодня не выдержала, потому что с самого утра всё шло наперекосяк.

Началось с пряди волос, которые я подпалила утюжком, хотя это и казалось невозможным. Продолжилось всё на работе, где шеф пригрозил уволить меня, если опоздаю ещё хоть раз. Затем был переполненный автобус, в котором мне наступили на ногу так, что я выматерилась на весь салон. И при этом даже не извинились, что стало причиной выступивших на глаза слёз – от обиды и боли. И вот теперь стакан и кровь на пальце. Если всё пойдёт так и дальше – не миновать к ночи апокалипсиса.

Промокнув ваткой с перекисью боевые ранения, я вздохнула и присела за стол. Огляделась в кухне, которая вдруг показалась какой-то отчаянно пустой. Хоть волком вой. А дурацкое предчувствие, что вот-вот случится что-то ужасное, лишь подтрунивало надо мной. Поднимала из глубин души самые тяжкие мысли и подкидывало самые неприятные образы.

Когда раздался звонок в дверь, я нахмурилась. Ждала только мужа, Макса, который в очередной раз опаздывал домой, а гостей на пороге появиться было не должно.

Взглянув в глазок, я удивлённо охнула – по ту сторону двери обнаружилась Маринка, моя лучшая подруга. Обычно она не падала на меня, как снег на голову, и обязательно предупреждала о визитах. Так что это внезапное прибытие лишь подбросило дров в мой костёр душевных тревог.

– Привет, – мрачно поздоровалась она, стоило мне только открыть дверь. – Я так понимаю, Макс не дома?

Она зашла и огляделась, как будто рассчитывала увидеть в прихожей моего мужа. В сердце кольнуло острой иглой волнения. В последнее время с Максимом у нас всё было мягко говоря не радужно. Но сейчас я приказала себе не думать ни о чём и не изобретать проблем там, где их может и не оказаться.

– Не дома, – помотала я головой. – Что-то случилось?

Этот вопрос я задала в спину Марине, которая, деловито разувшись, направилась на кухню. Поругалась со своим парнем, что ли? Тот очень ревновал её к прошлому – Маринка какое-то время назад развелась, но с Глебом, её мужем, они оставались до сих пор в дружеских отношениях.

Увидев мой ноутбук, подруга удовлетворённо кивнула и, сняв пуховик, небрежно бросила его на спинку стула. Сама же стала копаться в своей сумочке.

– Сегодня Глеб взял у меня машину. Его в ремонте или что-то в этом роде, – начала она рассказывать, а я мысленно выдохнула с облегчением.

До поры до времени. Ведь в следующее мгновение речь пошла уже о Максе.

– Они куда-то ездили с твоим мужем, – продолжила, меж тем, Марина.

Судя по её тону, дальнейшее ничего хорошего не предвещало. Что я могла услышать в следующую секунду? Что Глеб и Максим отправились по шлюхам, а Мариша об этом каким-то образом узнала? Глупости! Макс, может, и охладел в мою сторону, но я была уверена – он никогда бы не стал мне изменять. Не стал бы делать это за моей спиной, ведь у нас были весьма трезвые, ровные и разумные отношения, полные уважения. Так что если бы он разлюбил меня настолько, что захотел бы другую – просто бы об этом сказал.

– Мне нужно было на регистраторе кое-что глянуть. Меня тут притёр какой-то придурок, – вытащив из сумочки флешку, проговорила Марина. – В общем, глянула и... наткнулась на разговор.

Она подтащила к себе мой ноутбук и вставила в него носитель. У меня мурашки по коже побежали от предчувствия того, что вот-вот на мою голову обрушится нечто, с чем я не смогу существовать, как бы ни старалась.

– Я бы молчала, но тебе точно нужно это знать, Варь...

Всё, мой приговор был произнесён. Иначе слова Марины я попросту не воспринимала. Мне что-то нужно знать. Что-то, что я услышу или увижу уже сейчас.

Захотелось сказать «нет!» и, закрыв уши руками, сбежать, но я, как замороженная, смотрела и смотрела на экран. На нём – лента дороги, вечер, вернее, сумерки. Значит, это было каких-то пару-тройку часов назад. Сейчас зима и темнеет очень рано.

Макс в это время был с Глебом и они куда-то ездили? Почему не сказал мне? Мы сегодня созванивались лишь раз, коротко перебросились дежурными фразами и на этом всё.

По лобовому стеклу, которое я видела на экране ноута, мельтешили дворники, на них я и смотрела, потому что казалось, что это движение может загипнотизировать.

И когда я уже хотела спросить у Марины, зачем мне сейчас это скучное кино, раздался голос Макса:

«Да не могу я с ней больше... не могу. Не люблю, не тянет... как с соседкой какой-то! К тому же, от Динки у меня ребёнок, а с женой – даже котёнка не нажили. Так что Варе придётся смириться с тем, что я от неё ухожу.»

Мои глаза округлились, а в лёгких кончился воздух. Показалось, что кто-то ударил по спине точно между лопаток, отчего грудину как будто проломило чем-то огромным, мощным, несокрушимым. Я схватилась за край стола и покачнулась. Подсознание блокировало всё то, что уже поселилось в памяти отравляющими иглами боли и ужаса, каждая из которых была размером с десятиметровую пику.

– Так, мать... Мать-мать, ну-ка присядь! – велела мне перепугавшаяся Марина, которая быстро захлопнула крышку ноутбука и бросилась к шкафчику, где у меня стояла травяная настойка.

Я же рухнула на первый попавшийся стул и перевела ошалевший взгляд на подругу. Что я только что услышала? Чей это был розыгрыш, а главное – почему такой жестокий?

– Выпей! – протянула мне Марина чашку, в которую щедро плеснула настойки.

От аромата лекарственных трав замутило. Я прикрыла глаза и затрясла головой.

– Нет, – прохрипела в ответ. – Меня сейчас стошнит!

От паники, которая раздирала мою душу на части, меня трясло, а перед глазами мелькали разноцветные пятна. Макс не просто мне изменяет, но живёт второй жизнью с Диной и их ребёнком?

Дина... Динара... Это ведь она, да? Я же правильно поняла, что речь именно о женщине из моего окружения, у которой есть сын? Симпатичный голубоглазый мальчишка трёх лет... Мне это всегда казалось удивительным – Динка тёмненькая, даже смуглая, а у Дамира глаза – словно хрустально-синие льдинки.

– Варь, ты прости меня... Но я не могла иначе. Как представила, что он к тебе придёт, а ты ни сном, ни духом, – взмолилась Марина, всё же заставив меня выпить глоток настойки.

Я закашлялась. Ответы, возникающие в моём несчастном воспалённом воображении, опережали те вопросы, что я хотела задать подруге. Впрочем, сделать этого я в любом случае не успела.

В замке прихожей повернулся ключ, а мгновением позже в квартиру зашёл Макс.

Я всмотрелась в лицо мужа. Он был всё таким же, как и вчера, и позавчера, и неделю назад. Улыбнулся, увидев, что у нас Марина, махнул ей рукой.

– О, Капралова, сколько лет, сколько зим, – поздоровался с ней, пока разувался. – Как там Глебыч?

Мы с подругой переглянулись. У меня внутри затрепыхалась надежда, что произошла чудовищная ошибка. Что случилось нечто, отчего сейчас мы плохо думали о Максе. Например, Глеб подвозил какого-то другого мужчину с точно таким же тембром голоса, что и у Максима. И у этого самого другого мужчины была жена Варя, с которой у них не было детей, и любовница по имени Дина. Такое же бывает? Совпадения же возможны?

– Глебыч нормально. Сегодня как раз машину у меня брал, ездил куда-то за город. В Чудово, что ли.

Я всмотрелась в лицо Макса, на котором не дрогнул ни один мускул. Муж уже прошёл к нам на кухню, взял бутылку с настойкой и хмыкнул.

– Развлекаетесь горячительным?

Развлекаемся, ага... Да так, что меня уже пора откачивать от тех новостей, которые принесла подруга.

– Да нет, – помотала Марина головой. – Я ненадолго к Варе забежала, кое-что отдать надо было. Сейчас уже убегаю.

Она бросила на меня взгляд, полный беспокойства и вопроса: остаться ли ей? По крайней мере, именно так я интерпретировала то уточнение, что мелькнуло в чертах Маринино лица. Слегка качнув головой, я молча ответила на этот вопрос: нет. Не нужно. Я справлюсь сама. Хотя, и не исключала вероятности того, что уже через полчаса буду умыться слезами, звонить подружкам и просить о помощи. Если Макс задумал от меня уйти, он просто соберёт чемодан и уедет? Или как это будет происходить, чёрт бы всё побрал?

Как же больно даже мысль допускать по этому поводу... Он будет жить там, со своей любовницей, воспитывать их общего ребёнка и вообще забудет обо мне? О семи годах жизни, которые мы провели рядом? Да, на протяжении почти всего времени, что мы были вместе, меня не оставляло жуткое предчувствие, что наш брак рухнет. Но мы преодолевали трудности, шли рука об руку к общим целям и наслаждались нашим браком. Как мне казалось, конечно...

– Ладно. А я думал, останешься поужинать с нами. Варь, есть чем закинуться?

Я, наконец, отвисла. Поднялась из-за стола и, не ответив Максиму на вопрос, отправилась провожать Марину. Когда мы вышли в прихожую, она спросила одними губами:

– Точно не нужно оставаться?

Снова помотав головой, я ответила:

– Нет, спасибо. Я позвоню тебе... скоро.

Марина кивнула и, вздохнув, вышла, а я вернулась обратно на кухню. Там муж уже всю инспектировал холодильник. Наверняка искал, чем же ему, как он выразился, закинуться. Что ж... сейчас и найдём сообща.

– Мне Марина сказала, что вы с Глебом сегодня куда-то ездили, – начала я издалека.

Ноги перестали держать, поэтому пришлось снова устроиться за столом. Я подтащила к себе ноутбук подрагивающими руками. Пока открывать его не стала, просто цепко смотрела за реакцией Максима. Он лишь на мгновение застыл, как будто зависая в пространстве. И словно бы раздумывал в этот момент: соврать или сказать правду.

– Да? С чего она это взяла? – уточнил, достав из холодильника упаковку со слайсами сыра.

Неспешно добыл себе кусок хлеба, сделал бутерброд и теперь смотрел на меня точно так же, как и я на него – не сводя глаз.

– Она просматривала видеорегистратор. Наткнулась на один интересный разговор. Послушаешь?

Я увидела, что муж побледнел. Стал белым, даже словно бы с оттенком голубизны. А может, мне так отчаянно хотелось понимать, что он хоть немного переживает, что я придумывала себе несуществующие вещи.

– Послушаю, – дожевывая еду и отложив недоеденный бутерброд, ответил муж каким-то чужим, незнакомым мне голосом.

Теперь мои руки не просто дрожали, они тряслись так, как, пожалуй, не трясутся даже у алкоголиков со стажем. Я открыла ноутбук, запустила ту короткую запись, которую принесла мне Марина. И снова услышала то, с каким ледяным спокойствием говорит обо мне муж с экрана:

«Да не могу я с ней больше... не могу. Не люблю, не тянет... как с соседкой какой-то! К тому же, от Динки у меня ребёнок, а с женой – даже котёнка не нажили. Так что Варя придётся смириться с тем, что я от неё ухожу.»

Я дослушала и включила ещё раз. Когда фраза дошла до слова «соседкой», Макс с силой захлопнул крышку несчастного ноутбука. Отскочил к окну, взлохматил волосы пальцами. Они и так были у него небрежными, а я сейчас смотрела, вспоминала о том, как зарывалась в них пальцами, когда муж занимался со мной сексом. Как оттягивала голову назад, держась за пряди, как целовала подбородок со щетиной. Интересно, Дина делала то же самое?

– Я должен был давно тебе всё сказать, Варь, – глухо, как будто находился не со мной, а в самой преисподней, проговорил Макс.

У меня всё упало. Значит, это правда...

– Речь про Хасанову Динару? Или есть ещё какая-то женщина по имени Дина, которая родила тебе ребёнка? – спросила я, с трудом вытаскивая из себя слова.

Они гнездились по разным уголкам души, металась по ней, ища безболезненного выхода, но не находили...

– Да, речь про неё, – повернувшись ко мне, ответил Макс.

Хотелось быть в голос. Ребёнку уже три! Три с лишним года! Сколько же он жил с ними второй семьёй? Почему не ушёл от меня раньше, дав мне возможность как можно раньше смириться с крахом моего брака? К этому дню я уже бы оправилась от потрясения и предательства. Я бы встала на ноги, возможно, нашла бы себе любимого человека... Может быть, у меня уже были бы дети, которых не родилось в браке с Максимом Гуляевым... Да и даже если бы после семейной жизни с Максом осталась бы одна, узнай я всё вовремя, сейчас бы эта рана уже давно зажила...

– Варь... Я знаю, что поступил мерзко, но я правда тебя больше не люблю... Вспомни, когда у нас был секс в последний раз? Недели две-три назад? Это же просто мучение, а не

занятия любовью... Когда ты уже начинаешь мне при каждом удобном и неудобном случае намекать на постель, а я ищу тысячу оправданий, чтобы в неё с тобой не ложиться.

Он так просто наносил мне точные смертельные удары, что я задыхалась всё сильнее от каждого произнесённого слова.

– Как у вас это началось? – хрипло потребовала я ответа.

Гуляев поморщился, а я продолжила:

– Нет, давай уж будь честным от и до. Я хочу знать все подробности! Даже если они будут грязными. Давай, Макс... Как это началось? Она тебя соблазнила?

Муж помотал головой. Он смотрел на меня, а в глазах плескались боль и стыд.

– Я сам её захотел. Сам добивался. Она неприступной всегда была, ты же знаешь нравы её семьи.

Я не выдержала и зло рассмеялась. Знать-то знала, только мне теперь было очень интересно, как же Динара «легализовала» своего сына. Сказала отцу и матери, что его принёс на Новый год Дедушка Мороз?

– Хасановы знают, кто отец ребёнка? – спросила я, глядя на мужа, который мрачнел с каждой секундой.

Я так и читала по его взору: не лезь со своими шуточками и смехом туда, куда не просят. Хотя, может, и это мне лишь привиделось.

– Знают, – кивнул он.

– И как же это допустили? – приподняла я бровь.

Макс присел напротив, положил руки на стол. Взглянул на меня исподлобья и ответил:

– Фактически я живу с Динкой одной семьёй. Общие праздники, даже поездки. Она пока терпит, терпят и её родители...

Вскинув одну руку, пальцами второй я зажала переносицу. Закрыла глаза и сделала несколько рваных вдохов. Кошмар... Это был такой кошмар – сидеть вот так и слушать всё то, что говорил Макс, что я бы не пожелала такого никому. Но я должна дойти до конца. Содрать с раны этот присохший бинт, которым Гуляев пытался несколько лет залеплять зияющие и гноящиеся края. А потом начать жизнь с чистого листа.

– А твои родители? – немного придя в себя, спросила я у мужа едва ли не шёпотом.

И даже сжалась, словно ожидая нового удара, который действительно может стать сокрушительным настолько, что я погибну на месте.

– Они в курсе, что у них есть внук и вторая невестка?

Стоило только мне задать этот вопрос, как я поняла – ответ на него написан на лице Макса. Челюсти Гуляева сжались, желваки на скулах напряглись.

– У них нет второй невестки, Варя, – проговорил он с нажимом.

– Ты понимаешь, о чём речь! – тут же взорвалась я.

Вскочив из-за стола, потому что невозможно было и дальше сидеть и смотреть на мужа, я заметалась по кухне. Испепеляемая ужасом, таким отчаянным, что он рвал моё сердце на тысячу кусочков, я пыталась сдержать слёзы негодования и смертельной боли.

– Варь... мои родители молчали потому, что я им сказал ни слова тебе не говорить. Я должен был сам это всё остановить. Эту двойную жизнь... Я это знаю.

Господи, за что мне всё это? Мой деятельный свёкор и тихая милая свекровь... Каждый раз, когда они приходили в мой дом, едва ссадив с рук своего внука, которого навещали у Хасановых, эти двое улыбались мне в глаза и лгали!

– Четыре года, Гуляев! Ты украл у меня жизнь, длиною в четыре года! – прошептала я, приостановившись.

И тут же застыла ледяной статуей, потому что по реакции мужа поняла, что это не так... Снова упав на стул, я, округлив глаза, смотрела и смотрела в любимое лицо предателя. Оно закаменело, а Макс отводил глаза и глядел куда угодно, но только не на меня.

Невозможно разлюбить за мгновение, ведь так? Как же я жалела, что чувства действительно нельзя просто взять и отключить!

– Сколько? – прошептала я помертвевшими губами, вскинув голову.

Как будто бы сейчас всходила на эшафот, где мой приговор должны были привести в исполнение, но всеми силами показывала, насколько я не сломлена. Какая же чудовищная неправда крылась в этом – я была морально раздавлена и уничтожена.

– Шесть лет, – прошелестел голос Гуляева в ответ.

Снова вскочив, я дёрнулась к раковине и меня обильно вытошнило. Держать в себе и дальше эту мерзость я не могла. Макс тут же засуетился рядом, включил воду, подал мне бумажные полотенца. А я нависала над раковиной, глядя на то, как вода уходит в сливное отверстие, и казалось, что в этот момент точно так же из меня утекает жизнь.

Вместе с облегчением пришло какое-то странное оупение. Отерев рот, я вернулась за стол и велела мужу:

– Договорим, а потом собирай вещи и проваливай.

Гуляев словно бы сомневался перед тем, как устроиться за нашим местом переговоров. Всё же приняв решение остаться на ногах, он отошёл в сторону и, сложив руки на груди, сказал:

– Ты точно хочешь настолько сильно ранить себя нашим разговором?

Я аж поперхнулась теми вопросами, которые роились в голове. Ранить себя? Он так это называл? Знал же, что я изведусь от миллиарда мыслей, если он ничего не скажет и просто уйдёт.

– Расскажи всё с самого начала, – прохрипела я в ответ.

Кашлянув, Гуляев нехотя начал своё повествование:

– Как я уже говорил, я увидел Динару и она меня чертовски зацепила. Мы с тобой тогда только поженились, я не понимал, что это – когда вот так влюбляешься в женщину до чёртиков перед глазами и это не твоя жена. Какое-то время боролся с чувствами, потом стал добиваться Дину. Ей тогда было девятнадцать, Ильнур Закирович уже подыскивал ей мужа. Когда у нас всё закрутилось, она сказала отцу, что пока не хочет замуж.

Перед мысленным взором всплыл образ Динары. Она была очень колоритной особой. Красивой её было не назвать, но притягательной эта девушка была уж точно. Её мать была русской, от неё Дине достались светлые волосы, которые Хасанова выкрашивала в пепельный цвет. А вот глаза были карими, почти чёрными. Сейчас, когда я думала об этой девушке с совсем другой «колокольни», я и смотрела на неё иначе.

– Тот её послушал, наш роман продолжался около двух лет, когда Динка поставила меня перед выбором. Я ухажу от тебя, мы женимся и она рождает ребёнка. У неё была идея фикс – родить мне сына, – усмехнулся Макс.

– Почему не ушёл от меня? – сдавленно потребовала я ответа от мужа.

Меня волновало только это – почему? Почему он жил двойной жизнью? Я самая обычная ведь... Да, яркая внешность, рыжие волосы, на которые засматриваются мужчины, зелёно-голубые глаза. Но таких, как я, миллионы. У меня нет огромного банковского счёта или чего-то подобного... Я простая девчонка... Точнее, уже женщина, которой кажется, что сегодня она за считанные часы превратилась в старушку.

– Я любил тебя, Варь... – шёпотом ответил Гуляев. – Тебе сейчас в это не верится, но я действительно тебя любил. И жил бы и дальше двойной жизнью, если бы не понял не так давно, что всё. Не люблю, не хочу... Не могу!

Последние два слова он едва ли не выкрикнул. Словно я заставляла его жить с собой, привязала детьми, опутала обязательствами, а он не мог выбраться и задыхался. Но ведь я его не держала! Я вообще ни о чём не знала, чёрт побери!

– Тебе больше не нужно жить двойной жизнью, Гуляев, – сказала я, пожав плечами.

Да и двойная жизнь ли это была? Отец Макса сейчас вовсю раскручивал бизнес, потому муж частенько пропадал в командировках и офисе Андрея Ивановича. Нет, я сейчас понимала, что часть этого времени он был со своей Динарой и их драгоценным сыном, но Гуляеву даже врать мне было не нужно ни о чём. Я бы не заподозрила его в измене, потому что знала, что Максим действительно очень сильно вкладывается в бизнес папы, который они только-только начали развивать.

– Собирай вещи и уходи, – добавила, обхватив себя руками.

Муж задержался рядом лишь на несколько секунд, показавшиеся мне вечностью. Потом прошёл в нашу комнату, где быстро, словно заранее продумал, что именно будет забирать в первую очередь, упаковал сумки. Всё это время я сидела не шевелясь. Лишь только понимала, что каждый звук, что доносился из нашей комнаты, кажется мне стуком комьев земли, которые бросает на крышку моего гроба Макс.

А потом он просто ушёл. Покинул нашу квартиру и уехал ко второй семье. И я, досчитав до ста и надеясь, что этого времени Гуляеву хватило на то, чтобы спуститься вниз, тихо и безнадёжно заскулила.

– Скажу сразу – первым делом тебе нужно умыться, – заявила с порога Марина, которая приехала ко мне через час.

В руке у неё был зажат пакет, который совершенно характерно звякнул, когда она поставила принесённое на пол. А на лице подруги были написаны искреннее сочувствие и что-то, похожее на страх. Будто бы она опасалась, что я попросту возьму и развалюсь на куски у неё на глазах.

Этот час, что всё сильнее отделял меня от той жизни, которая совсем недавно казалась счастливой, я провела в беспокойных метаниях по квартире. Макс же не забрал слишком многое... Он или вернётся за вещами, или просто скажет, что всё это дурацкая шутка. Или какая-то чудовищная проверка. Будет говорить это, улыбаясь той знакомой улыбкой, которую я так любила, прижимать меня к себе, а потом спросит: «Поверила, глупая? Я же только тебя люблю...». А я уткнувшись носом в изгиб его шеи, всхлипну, жадно втягивая родной аромат и отвечу: «Какой же ты дурак... Не убивай меня больше».

Марина проводила меня в ванную, где дождалась, пока я умоюсь. Взглянув на себя в зеркало, я поразились тому, что видела в отражении. На меня смотрела какая-то почерневшая от горя незнакомка, в которой я с трудом узнавала себя прошлую.

– Идём, я принесла немного выпить, – тихо сказала подруга.

Мы расположились в нашей с Максом спальне, где мой взгляд то тут, то там натёкался на вещи Гуляева. Так было хоть немного, но легче. Можно было соврать себе хотя бы на ближайшие пару часов, что всё ещё может измениться. И что его уход я себе попросту нафантазировала.

Марина подтащила к кровати журнальный столик, с которого убрала книги, сходил на кухню за сыром и яблоками. Быстро открыла вино и разлила по бокалам.

– Ну? – требовательно посмотрев на меня, задала она короткий вопрос, который не нуждался в каких-либо уточнениях.

Я пожала плечами, отпив внушительный глоток. Голова тут же «побежала», но это было только к лучшему. Не стану хоть какое-то время представлять себе, что Макс уже добрался до дома Хасановых и обрадовал Динару тем, что он теперь свободный человек. Свободный для счастья с ней...

– Шесть лет назад Гуляев влюбился в Динару Хасанову. Она сначала кочевряжилась, потом ответила взаимностью. Ещё через пару лет после этого уговорила Макса на совместное зачатие ребёнка и родила моему мужу сына, – выдала я краткое резюме, каждое слово которого больно впивалось в моё сердце миллиардами игл.

На лице Марины сначала появилось ошарашенное выражение, затем она сказала:

– Ты шутишь? Когда он говорил о какой-то Динке, он имел в виду... Хасанову?

Удивление, которое выказала подруга, было таким неподдельным, что передалось и мне. Теперь и я испытывала почти то же самое чувство. О семья Динары знала мало, можно сказать – ничего. Да и пересекались мы пару-тройку раз на каких-то мероприятиях вроде помолвки общих знакомых. И все те разы, когда Дина держала на руках сына, а мы перебрасывались с нею ничего не значащими фразами, я даже не догадывалась, что передо мной – любимая женщина моего мужа.

– Да, он имел в виду её.

Марина нахмурилась и залпом допила вино. Плеснула себе в бокал ещё порцию.

– Теперь становится понятным, почему Хасанов так поспешно выдал замуж дочь в своё время, – сказала она, и мои брови поползли вверх.

Я силилась вспомнить, что знаю на данный счёт, а глупое сердце уже радостно колотилось о грудную клетку. Дина замужем... Макса там никто не ждёт. А потом я поняла со всей отчётливостью – это глупость. Я бы видела её рядом с супругом, а не в компании отца с матерью и Дамира.

– Ты, наверное, забыла... Да и не обсуждали мы совсем эту историю, – продолжила, меж тем, Марина. – Какое-то время назад... сейчас припомню, когда именно...

Она нахмурилась, отставила бокал и, схватив свой телефон, начала в нём что-то выискивать.

– Так-так... вот... нет, не то. Ага, нашла! Это было как раз около четырёх лет назад. Динара выскочила замуж, причём тихо, без каких-то оглашений, а потом... её муж умер. Инфаркт. Она уже была беременна, какое-то время походила в трауре, а когда малыш родился, сняла его и продолжила выходить в свет.

Я смотрела на подругу во все глаза, а когда увидела, как Марина, отчего-то покраснев, попыталась быстро пролистнуть фотографии – или что она там изучала? – я выхватила телефон из её пальцев и взгляделась в снимок. На нём ничего особенного не было – просто очень пузатая Динара рядом со своим отцом, который протягивает руку моему свёкру. А рядом с Гуляевым-старшим – Макс. И он смотрит на Хасанову такими глазами, которыми, пожалуй, никогда не смотрел на меня, свою жену. В его взгляде обожание переплетается с чем-то, что схоже на обожествление. И Динара, несмотря на то, что она расплылась и стала не так привлекательна, даже в моих глазах, когда я смотрела на это фото, была прекрасна.

А от того, что я понимала: Макс в момент, когда был сделан снимок, стоял и смотрел с любовью на мать своего будущего ребёнка, душу скрутили болезненные спазмы.

– Смешно, – выдавила я, отбрасывая телефон на постель.

– Ничего смешно, Варюх... – покачала головой Марина. – Неужели всё это правда? Неужели эта крашенная сучка залетела от Макса, а Хасановы отыскиали этого несчастного деда, который потом скопытился, не выдержав такого счастья?

Подруга говорила об этом мрачно, но мне отчего-то вдруг стало весело. Настолько нелепые вещи происходили за моей спиной, что казалось, будто последние шесть лет моей жизни – это какая-то фантазмагория, придуманная злым гением. И я, играя в ней свою роль, даже не догадывалась об этом.

– А какая разница? – пожала я плечами и допила вино.

Немного подумав, бросила в рот пару яблочных долек, чтобы хоть немного уменьшить чувство мерзости, которое снова стало давить изнутри.

– Что значит – какая разница? – всплеснула руками Марина. – В этой истории очень много разных странностей. Нам точно нужно во всём разобраться!

Разобраться? А в чём мы могли разобраться? Всё ведь было ясно, как божий день. Ложь мужа длиною в шесть украденных лет моей жизни – вот то единственное, что меня касалось. А как именно он мне лгал, что именно делал там, во второй семье – разве это важно? Даже если

Макс, выходя из дома, страдал расстройством личности и ему казалось, что там, с Хасановыми, находится другой Гуляев, это ничего не меняет. Он жил двойной жизнью, в чём сам и признался, и продолжал бы плести паутину вранья, если бы у него не закончились ко мне чувства.

– Нет, Мариш... – помотала я головой, прикрыв глаза. – Нет. Я сейчас залижу раны хоть пару дней и начну заниматься разводом.

Само слово «развод» было словно из другой вселенной. Хоть мне и казалось, что наш с Максом брак не навсегда, я даже в самых кошмарных снах не могла представить себе, что буду проходить через развод и раздел имущества. И вот она – оглушающая реальность, которая оказалась страшнее самых ужасных сновидений.

– Ладно, – после паузы всё же сказала Марина. – Тебя впутывать не стану, но уж извини, кое-что попробую раскопать. Ну как раскопать...

Она снова взяла бокал и, немного успокоившись, покачала им в воздухе.

– Например, мне очень интересно, что там вообще за история семьи Хасановых. Вообще, честно говоря, эти люди всегда производили на меня странное впечатление.

Я слушала её рассеянно. Алкоголь и откат после пережитого давали о себе знать. Наступало то чувство оцепенения, с которым я сегодня уже имела дело. Хотелось спать, но я вздрагивала каждый раз, когда взгляд находил в комнате вещи мужа. А их было много, этих вещей. Вон его футболка, которую он обычно носил дома. Небрежно брошенная прямо на комод, за что я регулярно журила Гуляева, она наверняка пропахла его кожей... А вон зарядка от часов, которую Макс переложил зачем-то на тумбу с телевизором. Он же не может без своих напоминаний о том, когда ему нужно спать и встать-размяться.

Здесь всё было пропитано Максимом... Здесь был он сам, несмотря на то, что сейчас наверняка муж держал в объятиях другую.

– Давай-ка, Варюнь, поспим немножко, а потом будем думать о всяком, – тихо сказала мне Марина, забрав у меня бокал и дольку яблока, которую я так и не доела.

Отставив всё это добро, она уложила меня на кровать и укутала пледом. Возникло чувство, забытое с детства. Как будто меня вот так же кутает и убаюкивает мама, которую я потеряла слишком рано. Это хоть немного, но меня успокоило. И, позволив себе всё же немного отдохнуть, чтобы только не заполучить нервный срыв, я в следующую секунду провалилась в сон.

– Варя, ты меня, конечно, прости, но работник из тебя в последнее время не очень, – сказал мне шеф, когда я попыталась отпроситься домой пораньше.

С момента ухода Гуляева миновало два дня. Первый, вчерашний, я провела в какой-то безумной ажитации. Вскочила ни свет, ни заря, наскоро выпила кофе и помчалась на работу, где и провела время до часа ночи. Трудилась я администратором в баре «Чёрный кит». Он был стилизован под английский паб и пользовался у жителей нашего района бешеной популярностью. Но моя должность позволяла мне оставить дела на девочек-официанток и уйти, скажем, пораньше. Или немного опоздать. «Чёрный кит» жил своей жизнью и сам, я лишь направляла его плавание, когда в этом была необходимость. Например, устраивались вечеринки или спортивные трансляции значимых мероприятий.

– Я знаю, Дмитрий Борисович... И обещаю исправиться. У меня просто сейчас в личной жизни... шторм.

Шеф вздохнул и покачал головой. Мужик он был, в целом, неплохой и сговорчивый, но порой показывал, кто в доме хозяин.

– Ладно, иди. Но завтра с утра как штык! – добавил он и я благодарно кивнула и поплелась домой.

Потому что состояния нервного подъёма, которое сама себе придумала, мне хватило ровно на сутки. И сегодня я, к своему ужасу, превратилась в кисель.

Я знала причину этого – в первую очередь поняла, что я с какой-то маниакальностью жду звонка Макса. Он не может просто так взять и исчезнуть! Это просто невыносимо! Я заходила в нашу переписку, я ждала... А когда видела, что Гуляев был в сети каких-то пару минут назад, сердце у меня колотилось, как бешеное... Возникали идиотские идеи – взять липовую страницу и «случайно» ему написать... Хоть как-то соприкоснуться с мужем. Получить от него хоть каплю внимания... словно кость, брошенную голодной собаке. Конечно, я знала – это всё глупость. Он там, с другой... он ложится с ней в одну постель, нянчит сына, играет с ним... Садится за ужин с новой семьей и забыл о том, что вообще у него есть законная жена...

– О, Варь... А ты сегодня рано, – растерянно сказал Глеб, когда я открыла дверь в квартиру и наткнулась взглядом на его спину.

Тут же поняла: Макс приехал с другом, чтобы, видимо, забрать оставшиеся вещи. Это ужаснуло и лишило кислорода. Это заставило меня опять испытать чувство, как будто я вновь прохожу через свою маленькую личную смерть.

– Привет, – поздоровалась сдавленно. – Да, не очень хорошо себя чувствую. Макс тоже здесь? – спросила, снимая кроссовки, а сама уже знала: да, Гуляев тут, рядом...

Что же ты делаешь, глупое сердце, раз так отчаянно колотишься о рёбра?

– Здесь, угу, – буркнул Глеб, которому наверняка было не по себе. – Я к машине пойду, скажи ему, что буду ждать внизу.

Только сейчас я заметила, что неподалёку стоят две собранных сумки. Одна незнакомая, которую Гуляев, видимо, принёс с собой. А вторая наша. С ней мы обычно ездили за город, потому что она вмещала ровно столько вещей, сколько было нужно.

Забрав сумки, Глеб ушёл, а я какое-то время постояла с отчаянно колотящимся сердцем, а потом сорвалась с места и промчалась в сторону комнаты.

Макс стоял у распахнутого шкафа, где у нас на одной из полок хранились документы, и перебирал их. Увидев меня, отложил в сторону свой военный билет, повернулся ко мне и на лице его появилось выражение удивления, смешанного с недовольством.

Я отбросила прочь всё то, что можно было обозвать остатками попорченной гордости. Я шагнула к Максиму, обняла его, вцепилась обеими руками, чтобы только хоть отчасти заглушить, залатать, заделать наскоро ту дыру, которая была в районе сердца. Зашептала сбивчиво, отчаянно ругая себя за то, что говорю и делаю:

– Макс... Мы ещё всё можем исправить... слышишь? Ещё всё может быть иначе...

Я прижималась к мужу, слушала его размеренно бьющееся сердце и в этот момент была хоть немного живой. А он напрягся, закаменел всем телом и снова со всей жесткостью палача обрушил на меня слова:

– Не унижайся так, Варь. Не нужно.

Если бы Гуляев взял плетёнку и изо всех сил стегнул меня ею по спине, даже тогда мне не было бы так больно, как сейчас. Не унижайся... Он так и сказал – не унижайся.

Мягко отстранив меня, Макс продолжил заниматься своими делами, пока я стояла, не в силах сделать даже вдоха. Из глубин души поднимался крик – громкий, надрывный, страшный. Я слышала его, хоть с губ моих не срывалось ни звука. Слышала и глохла от самой себя, потому что воспринимать реальность наживую было убийственно.

– Я бы дождался тебя в любом случае, – сказал муж, когда я сделала шаг в сторону кровати и потерянно опустилась на ее край. – Нам нужно обсудить развод.

Есть ли предел у тех ядовитых чувств, которые растекаются по моим венам и циркулируют в теле вместо крови? И если да – когда же наконец я его достигну?

Положив в третью, набитую до отказа, сумку еще какие-то вещи, что я видела мутно, как через пелену, Макс подошел и присел рядом. Я сделала рваный судорожный вдох, когда пружины под его весом просели. Гуляев сцепил руки перед собой в замок и продолжил:

– У нас раздел имущества, так что будем разводиться через суд. Квартиру делим пополам, за машину я могу дать тебе компенсацию.

Это был не мой Макс, а какой-то чужой, совершенно незнакомый мне человек. Самое страшное, я осознавала, что как ни буду биться, в какие истерики ни стану впадать в попытке достучаться до него – все тщетно. Он решил все вопросы, если, конечно, они у него еще имелись по отношению к самому себе. Он готов покончить со мной и нашей жизнью навсегда.

А я, как тот человек, который все опускается и опускается на дно и никак не может нащупать твердую почву под ногами, сидела и жаждала наконец почувствовать под ступнями то, от чего мне можно будет оттолкнуться и плыть на поверхность. Там спасительный глоток кислорода, там я смогу жить...

– Компенсацию? – прохрипела в ответ.

Моя размеренная и спокойная жизнь рядом с любимым человеком рушилась на глазах. Вернее, уже лежала в руинах, а Гуляев лишь размётывал её остатки огромным молотом. Наша машина... та, на которой мы ездили за продуктами на выходных. Та, в которой пару лет назад ночевали, когда отправились на юг и не нашли места для отдыха в придорожных отелях. У меня заберут и это, а взамен дадут... компенсацию.

А квартира? Маленькая, но уютная. Наш дом... Его придётся продать, потому что я не смогу выкупить у Макса его долю... Мне тоже придётся паковать свои вещи, обзаводиться какой-нибудь комнатухой или, в лучшем случае, студией и покидать родные стены...

– Варя, я очень хочу, чтобы ты просто меня поняла. Я поступил мерзко, моя вина неоспорима. Но мы расходимся. Так делали миллионы людей до нас, так сделают миллионы людей после. Ничего смертельного в этом нет. Ты начнёшь новую жизнь, у тебя будет новый мужчина. Ты ещё молода и обязательно у тебя появятся дети. Но не со мной.

Ровный, спокойный голос Макса, каким, наверное, врачи увещевают особо буйных пациентов успокоиться, звучал в вакууме, который образовался вокруг меня. Мне больше не за что было хвататься. Я соскользнула в бездонную пропасть и падала, падала, падала.

– Да, я это уже поняла. Ребенка от меня ты, как изволил выразиться, не нажил. У тебя в этом случае закрыты все потребности с другой, так что да. Можем расходиться, чтобы я могла пойти и наконец начать плодиться и размножаться.

Не выдержав, я зло рассмеялась и вскочила с кровати. Мне нужно будет куда-то уехать... Даже если на это нет ни копейки. Взять денег в долг и отправиться на неделю куда угодно. Хотя бы на деревню к дедушке, которого у меня нет. Иначе даже от моей пустой оболочки не останется и следа.

– Варя, послушай... Я прошу у тебя прощения за то, что всё это скрывал. Но ты сильная, ты справишься. И чем скорее мы с тобой просто разведёмся и всё поделим, тем быстрее начнём жить без прошлого. Я уверен, у тебя будет прекрасная жизнь с мужчиной, который тебя искренне полюбит.

Макс поднялся следом, подошёл ко мне и, потянувшись, коснулся губами моего лба.

– Спасибо за всё, – сказал он, после чего забрал оставшиеся вещи и ушёл.

И снова за ним закрылась дверь, оставляя меня в абсолютной тишине. Только теперь у меня не было иллюзий-обманок, которые возрождались в душе каждый раз, когда я натыкалась взглядом на вещи мужа.

А ещё я очень надеялась, что той самой почвы под ногами, в которой я так отчаянно нуждалась, я всё же когда-нибудь достигну.

Удивительно, но после этого момента мне показалось, что мою жизнь переключили на какой-то другой режим. словно щёлкнул тумблер, и я стала совсем другой Варей, которая получила от небес совсем другую судьбу.

Весь следующий день я занималась работой и тем, что просматривала в интернете путёвки. Это очень сильно отвлекало и создавало видимость того, что я очень быстро сумела собраться и прийти в себя.

А когда вечером возвращалась домой, задержавшись в «Ките» дольше положенного, меня у подъезда встретила та, кого я совсем не ожидала увидеть.

Мать Макса и пока ещё моя свекровь по совместительству.

– Добрый вечер, Анна Сергеевна, – поздоровалась я с ней и тут же очертила границы: – У вас есть пять минут, по какому бы важному делу вы ко мне сегодня ни явились.

На лице свекрови появилось болезненное выражение, словно я только что нанесла ей обиду. Она заговорила быстро и сбивчиво:

– Варюша, я хочу просить прощения за всех нас. Знаю, что сделанного не вернуть и не буду себя обелять – я виновата так же, как и Коля с Максимом. Даже больше, ведь столько раз порывалась приехать к тебе и всё рассказать.

Я не знала, что вдруг на меня нашло, но в ответ на слова Анны Сергеевны внутри рождалась только злость. Такая жгучая, что она опаляла мне нутро.

Зачем она приехала и говорила всё это? Ведь свекровь была права на все сто – сделанного было не вернуть.

– Вы могли просто прислать мне открытку с извинениями. Эффект был бы такой же, – сказала я и направилась к двери в подъезд.

Пять минут ещё не истекли, но я и без того дала матери Макса слишком много времени.

– Варя, подожди, пожалуйста! Мы можем поговорить о важных вещах? Я хочу сделать что-то реальное, что тебе поможет! – взмолилась Анна Сергеевна.

А мне хотелось только уйти, снова спрятаться от всего мира и немного передохнуть перед тем, как я начну изучать всё, что будет связано с предстоящим разводом.

– Что-то, что мне поможет? – повернулась я к свекрови и приподняла бровь. – Может, изобретёте машину времени и вернётесь назад, где вовремя расскажете мне о том, что ваш сын – предатель? И я тогда не потеряю шесть лет своей жизни? Вдумайтесь, Анна Сергеевна – шесть лет! Сейчас мне вообще кажется, что нет в мире того, что способно мне компенсировать эти потерянные годы.

Свекровь прикрыла глаза и покачала головой. Я верила в то, что она испытывает искреннее сожаление, но кого или что она при этом жалела? Уж я в списке тех, кому она станет сочувствовать, не стою на первом месте, уверена.

– Варя, ни Коля, ни Максим не знают, что я здесь. И не знают, что я хочу сделать. Пожалуйста, выслушай меня... Я хочу тебя поддержать не словами, а делом!

Последнюю фразу она сказала запальчиво, вложив в неё столько эмоций, что я почувствовала отклик в душе. Делом, значит... Ну, что ж... Посмотрим, что она имеет в виду под словами «поддержать делом».

– Хорошо, – после небольшого раздумья всё же ответила я. – Пять минут превращаются в чашку чая у меня дома, – сказала и продолжила путь к двери в подъезд.

Тут же услышала позади шаги свекрови и её вздох облегчения. Странно... Я ведь уже, считай, ей никто. Она годами врала мне в лицо, зная правду о сыне и его второй семье. А тут делает вид, что ей действительно небезразличен факт того, что они поступили со мной по-скотски. Интересные дела...

Когда мы зашли в квартиру, я оставила Анну Сергеевну снимать одежду в прихожей, сама же быстро прошла на кухню и поставила чайник. Когда свекровь присоединилась ко мне, я указала ей на стул.

– Спасибо, Варенька... – начала она, но я её перебила:

– У меня сразу же к вам вопрос. Вы ведь могли просто сделать вид, что ничего не случилось. Ваш сын теперь с другой, там он и будет жить. У вас с Николаем Олеговичем внук... А я вам чужая. Так почему сейчас вы приехали ко мне и просите прощения? Я же для вас никто...

Анна Сергеевна тут же замотала головой.

– Нет, Варя... нет, ты неправа! Все эти годы была мне как дочь и я всячески, насколько могла, это показывала. Если хочешь знать – Динара мне не нравится и никогда не нравилась!

Она даже ударила по столу ладонью, чем немало меня удивила. Анна Сергеевна была весьма тихой и скромной женщиной, так что сейчас я могла сказать точно – она пребывает в каком-то странном, неведомом мне до сих пор состоянии.

– Молчала я о ней и Дамире – это да, каюсь. Но ты знаешь, Макс у меня один... – Она развела руками в извиняющемся жесте. – Какой бы ни был, а сын. И я ему сразу, как только узнала, что он связался с Хасановой, высказала всё, что думаю по этому поводу.

Я отвлеклась на чай. Было ли мне больно слушать свекровь? Нет. Чувства словно атрофировались, превратились в какие-то обрубки, если можно так в принципе сказать о том, что способно родиться в душе. Я только-только начинала испытывать хоть какую-то эмоцию, но она тут же умирала. Мне даже не нужно было прилагать для этого особых усилий.

– Анна Сергеевна, признаюсь честно, меня не особо интересует эта сторона вашей жизни, – ответила я размеренно, поставив перед свекровью чай.

Взяла свою чашку и устроилась напротив. Смотрела на мать Макса и всё пыталась пробудить в себе хоть что-то, но не ощущала ничего, кроме жуткой усталости. Хотя не отказалась бы от вполне закономерной злости.

– Вы скрывали от меня двойную жизнь вашего сына. Это я понять могу, хоть сделать мне это и сложно. Но сейчас-то всё известно и решено. Мы с Максимом разводимся, он забирает положенное по закону, – я не удержалась и кривовато улыбнулась, – и идёт строить свою новую жизнь. Ваши извинения я услышала, принять их не могу, уж простите.

Разведя руками, я отвлеклась на то, чтобы запить глотком чая горькое чувство, что появилось во рту. После чего продолжила:

– Вы сказали, что хотите поддержать меня делом. Валяйте.

Прозвучало грубовато, но Анна Сергеевна на это внимания не обратила. Засуетилась, стала доставать из сумки какие-то документы. Положила их передо мной и сказала:

– Это не бог весть какая, но всё же квартира. Она на окраине города и досталась мне в своё время от родителей. Я знаю, что Максим хочет делить напополам ваше жильё. Я сказала ему, что он поступает нехорошо, но сын ответил, что с голым задом к Хасановым прийти не может. Поэтому я считаю справедливым отдать тебе свою квартиру – пусть она и не компенсирует то, что мы сотворили, но хоть как-то тебя поддержит в трудный период.

Пока я, хмурясь, переводила взгляд с документов на свекровь и обратно, Анна Сергеевна, понизив голос, добавила:

– А ещё ты кое-что должна знать, Варя... Как-то раз, когда Коля и Максим были одни, точнее, думали, что одни... они говорили о тебе. Есть какая-то причина, почему мой сын не хотел разводиться с тобой, пока ты сама обо всём не узнала. О ней мне они не сказали, но, несмотря на то, что Максимка уже давно к тебе охладел, он не хотел развода и говорил об этом со своим отцом.

Зря я считала, что объём той информации, которая причиняла боль, иссяк или вот-вот иссякнет. Слова свекрови пробили брешь в той искусственной апатии, в которую я сама себя погрузила. Хлынули на оголённые нервы новым водопадом, что сносил на своём пути те островки спокойствия, в которых я так отчаянно нуждалась.

– Максим жил со мной до сих пор только потому, что у него на это имелась какая-то веская причина? – тупо переспросила я.

Если до сего момента я могла ухватиться за слова мужа о том, что разлюбил он меня, несмотря на свою двойную жизнь, не так давно, то сказанное Анной Сергеевной в корне меняло дело. Гуляев мне лгал, как сивый мерин. Во всём и всегда. Ну или как минимум несколько последних лет.

– Да, но я не знаю, какая именно, – вздохнула свекровь.

Я стала мысленно перебирать в голове вероятные варианты того, что могло служить поводом для жизни с нелюбимой женщиной. Похоже, Марина была права – я действительно не знала чего-то очень важного. Но что именно мне было необходимо разведать? В какую сторону вообще нужно было копать?

– Спасибо, Анна Сергеевна, вы мне очень помогли, – не без сарказма поблагодарила я свекровь.

Она поняла, что я имею в виду. По сути, всё лишь запуталось ещё сильнее. Хотя, с другой стороны, при беседе с Мариной о попытках разузнать детали, связанные с семейством Хасановых, я уже не буду столь категоричной.

– Извини, Варюш... Я пытаюсь как могу! Обещаю, что буду теперь держать ушки на макушке. Сейчас, конечно, сын занят...

Она осеклась и отвела взгляд. А я поняла, что как раз эта сторона истории, когда речь заходила о новых буднях Гуляева, в которых он счастливо существовал со своей новой-старой семьёй, меня действительно не трогает.

– И вы меня извините, Анна Сергеевна, – вздохнула я. – И спасибо за то, что не махнули на меня рукой и приехали сегодня.

Придвинув ко мне документы, свекровь повторила то, что уже сказала до этого:

– Я попробую уговорить сына, но он непреклонен... Хочет продать именно эту квартиру, где вы живёте... то есть, жили. Говорит, что это дело чести – не брать ничего у нас с отцом, а забрать то, что заработал он сам. Так что вот, – она указала на бумаги, – выбирай день и поедem к нотариусу. Оформим дарственную, и эту квартиру у тебя уже никто не отнимет!

Она заявила это воинственно, словно на жильё, которое собиралась мне подарить, уже выстроилась очередь из желающих. И их нужно было отгонять любыми способами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.